

АНТУАН-ФРАНСУА ПРЕВО

МАНОН ЛЕСКО

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
П71

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с французского *М. Петровского*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Прево, Антуан-Франсуа.

П71 Манон Леско : [роман] / Антуан-Франсуа Прево ; [перевод с французского М. Петровского]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 224 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-160441-7

Кавалер де Грие, талантливый юноша из благородной семьи, с отличием окончив курс философских наук в Амьене, планирует вернуться в отчий дом, но накануне отъезда встречает прекрасную незнакомку. Родители хотят отправить ее в монастырь за непокорность и свободолюбие, и де Грие, не в силах противостоять своим чувствам, без промедления предлагает ей бежать в Париж...

Так начинается одна из самых трагических и всепоглощающих историй любви в мировой литературе...

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-160441-7

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Предуведомление автора «Записок знатного человека»

Хотя я мог бы включить историю приключений кавалера де Грие в мои «Записки», мне показалось, ввиду отсутствия связи между ними, что читателю будет приятнее видеть ее отдельно. Столь длинная повесть прервала бы слишком надолго нить моей собственной истории. Как ни чужды мне притязания на звание настоящего писателя, я хорошо знаю, что рассказ должен быть освобожден от лишних эпизодов, кои могут сделать его тяжелым и трудным для восприятия, — таково предписание Горация:

Ut jam nunc dicat jam nunc debentia dici,
Pleraque differat et praesens in tempus omittat¹.

Даже не нужно ссылки на столь высокий авторитет, чтобы доказать эту простую истину, ибо сам здравый смысл подсказывает такое правило.

Ежели читатели нашли приятной и занимательной историю моей жизни, смею надеяться, что они будут не менее удовлетворены этим до-

---

¹ Надо сегодня сказать лишь то, что уместно сегодня, прочее все отложить и сказать в подходящее время (*лат.*).

бавлением к ней. В поведении господина де Грие они увидят злосчастный пример власти страстей над человеком. Мне предстоит изобразить ослепленного юношу, который, отказавшись от счастья и благополучия, добровольно подвергает себя жестоким бедствиям; обладая всеми качествами, сулящими ему самую блестящую будущность, он предпочитает жизнь темную и скитальческую всем преимуществам богатства и высокого положения; предвидя свои несчастья, он не желает их избежать; изнемогая под тяжестью страданий, он отвергает лекарства, предлагаемые ему непрестанно и способные в любое мгновение его исцелить; словом, характер двойственный, смешение добродетелей и пороков, вечное противоборство добрых побуждений и дурных поступков. Таков фон картины, которую я рисую. Лица здравомыслящие не посмотрят на это произведение как на работу бесполезную. Помимо приятного чтения они найдут здесь немало событий, которые могли бы послужить назидательным примером; а, по моему мнению, развлекая, наставляя читателей — значит оказывать им важную услугу.

Размышляя о нравственных правилах, нельзя не дивиться, видя, как люди в одно и то же время и уважают их, и пренебрегают ими; задаешься вопросом, в чем причина того странного свойства человеческого сердца, что, увлекаясь идеями добра и совершенства, оно на деле удаляется от них. Ежели люди известного умственного склада и воспитания присмотрятся, каковы самые обыч-

ные темы их бесед или даже их одиноких раздумий, им не трудно будет заметить, что почти всегда они сводятся к каким-либо нравственным рассуждениям. Самые сладостные минуты жизни своей они проводят наедине с собой или с другом, в задушевной беседе о благе добродетели, о прелестьях дружбы, о путях к счастью, о слабостях натуры нашей, совращающих нас с пути, и о средствах борьбы с ними. Гораций и Буало называют подобную беседу одним из прекраснейших и необходимейших условий истинно счастливой жизни. Как же случается, что мы так легко падаем с высоты отвлеченных размышлений и вдруг оказываемся на уровне людей заурядных? Я впал в заблуждение, если довод, который сейчас приведу, не объясняет достаточно противоречия между нашими идеями и поведением нашим: именно потому, что нравственные правила являются лишь неопределенными и общими принципами, весьма трудно бывает применить их к отдельным характерам и поступкам.

Приведем пример. Души благородные чувствуют, что кротость и человечность — добродетели привлекательные, и склонны им следовать; но в ту минуту, как надлежит эти добродетели осуществить, добрые намерения часто остаются невыполненными. Возникает множество сомнений: действительно ли это подходящий случай? И в какой мере надо следовать душевному побуждению? Не ошибаешься ли ты относительно данного лица? Боишься оказаться в дураках, желая быть

щедрым и благодетельным; прослыть слабохарактерным, выказывая слишком большую нежность и чувствительность; словом, то опасешься превысить меру, то — не выполнить долг, который слишком туманно определяется общими понятиями человечности и кротости. При такой неуверенности только опыт или пример могут разумно направить врожденную склонность к добру. Но опыт не такого рода преимущество, которое дано в удел всем; он зависит от разных положений, в какие человек попадает волею судьбы. Остается, следовательно, только пример, который для многих людей и должен служить руководством на пути добродетели.

Именно такого рода читателям и могут быть крайне полезны произведения, подобные этому, по меньшей мере в том случае, когда они написаны человеком, достойным и здравомыслящим. Каждое событие, здесь излагаемое, есть луч света, назидание, заменяющее опыт; каждый эпизод есть образец нравственного поведения; остается лишь применить все это к обстоятельствам своей собственной жизни. Произведение в целом представляет собою нравственный трактат, изложенный в виде занимательного рассказа.

Строгий читатель оскорбится, быть может, тем, что я в мои годы взялся за перо, чтобы описать любовные приключения и превратности судьбы; но, ежели рассуждение мое основательно, оно меня оправдывает; если же оно ложно, ошибка моя послужит мне извинением.

Примечание. По настоянию тех, кто ценит это маленькое произведение, мы решили очистить его от значительного числа грубых ошибок, вкравшихся в большинство его изданий. Кроме того, в него внесено несколько добавлений, которые показались нам необходимыми для полноты характеристики одного из главных персонажей.

Часть первая

Прошу читателя последовать за мною в ту эпоху жизни моей, когда я встретился впервые с кавалером де Грие: то было приблизительно за полгода до моего отъезда в Испанию. Хотя я редко покидал свое уединение, желание угодить дочери побуждало меня иногда предпринимать небольшие путешествия, которые я сокращал, насколько то было возможно.

Однажды я возвращался из Руана, куда она просила меня съездить похлопотать в нормандском парламенте о земельных владениях моего деда по материнской линии. Пустившись в путь через Эвре, мой первый ночлег, я собирался на другой день отобедать в Пасси, отстоящем от него на пять или шесть миль. При въезде в деревню меня поразило смятение жителей; они выбегали из домов, стремясь толпой к дверям скверной гостиницы, перед которой стояли две крытые телеги. Вид лошадей, еще не распряженных и дымившихся от усталости и жары, показывал, что повозки только что прибыли.

Я задержался на минуту, чтобы осведомиться о причинах суматохи; но я немногого добился от

любопытных поселян, которые, не обращая ни малейшего внимания на мои расспросы, продолжали, беспорядочно толкаясь, сбегаться к гостинице; наконец появившийся в дверях полицейский с перевязью и мушкетом на плече по моему знаку приблизился ко мне; я попросил его изложить мне причину беспорядка. «Пустое дело, сударь, — сказал он, — тут находится проездом дюжина веселых девиц, которых я с товарищами сопровождаю до Гавр-де-Граса, где мы погрузим их для отправки в Америку. Среди них есть несколько красоток, это, очевидно, и возбуждает любопытство добрых поселян».

Получив такие разъяснения, я уже готов был двинуться далее, как меня остановили крики какой-то старухи, которая выбежала из гостиницы, ломая руки и восклицая, что это варварство, что это гнусность, к которой нельзя остаться равнодушным. «В чем дело?» — обратился я к ней. «Ах! сударь, войдите сюда, — отвечала она, — и убедитесь, что от такого зрелища сердце разрывается!» Влекомый любопытством, я спрыгнул с седла, передав лошадь моему конюху. С трудом пробившись сквозь толпу, я вошел внутрь и был поражен действительно трогательным зрелищем.

Среди дюжины девиц, скованных по шести цепями, охватывавшими их вокруг пояса, была одна, вид и наружность которой столь мало согласовались с ее положением, что в любых иных условиях я принял бы ее за даму, принадлежащую к высшему классу общества. Жалкое ее состояние,

грязное белье и платье столь мало ее портили, что ее облик возбудил во мне уважение к ней и сострадание. Она старалась, насколько позволяли ей оковы, повернуться так, чтобы скрыть лицо от глаз зрителей; ее усилия спрятаться были так естественны, что, казалось, происходили из чувства стыдливости.

Так как шесть стражников, сопровождавших кучку несчастных, присутствовали здесь же в комнате, я отвел в сторону их начальника и обратился к нему, спросив, кто эта красавица. Он мог мне дать лишь самые общие сведения. «Мы взяли ее из Приюта по приказу начальника полиции, — сказал он. — По всему видно, не за хорошие дела она была заключена туда. Я несколько раз расспрашивал ее в пути; она упорно отмалчивается. Но, хотя у меня и нет приказа обращаться с ней лучше, нежели с другими, я о ней больше забочусь, ибо сдается мне, она малость достойнее своих подруг. Вон тот молодчик, — добавил полицейский, — может вам больше рассказать о причинах ее несчастья: он следует за ней от самого Парижа, не переставая плакать. Должно быть, брат он ей, а не то любовник».

Я обернулся к тому углу комнаты, где сидел молодой человек. Казалось, он был погружен в глубокую задумчивость; мне никогда не приходилось видеть более живой картины скорби; одежда его была крайне проста; но человека хорошей семьи и воспитания отличишь с первого взгляда. Я подошел к нему; он поднялся мне навстречу,

и я увидел в его глазах, в лице, во всех его движениях столько изящества и благородства, что почувствовал к нему искреннее расположение. «Не беспокойтесь, прошу вас, — сказал я, подсаживаясь к нему. — Не удовлетворите ли вы моего любопытства касательно той красавицы, как мне кажется, вовсе не созданной для жалостного состояния, в котором я ее вижу?»

Он вежливо мне отвечал, что не может сообщить, кто она, не представившись мне сам, но что у него есть веские основания не открывать своего имени. «Могу вам все же сказать то, что не тайна для этих негодяев, — продолжал он, указывая на полицейских, — я люблю ее со столь необоримой страстью, что она делает меня несчастнейшим из смертных. Я все пустил в ход в Париже, чтобы исхлопотать ей свободу; ни просьбами, ни хитростью, ни силой я ничего не добился. Я решил следовать за ней, хотя бы на край света. Я сяду на корабль вместе с нею; отправлюсь в Америку. Но вот предел бесчеловечности: эти подлые мерзавцы, — прибавил он, говоря о полицейских, — не позволяют мне приближаться к ней. Я сделал попытку напасть на них открыто в нескольких милях от Парижа. Я сговорился с четырьмя молодцами, обещавшими мне помочь за солидную плату; но предатели бросили меня в стычке и бежали, захватив мои деньги. Невозможность достичь чего-либо силой заставила меня сложить оружие; я упрощил стражников позволить мне хотя бы следовать за ними, обещая вознаграждение; жажда наживы

побудила их согласиться. Они требовали платы всякий раз, как предоставляли мне возможность говорить с моей возлюбленной. Мой кошелек вскоре иссяк, и теперь, когда я остался без гроша, они стали столь жестоки, что грубо отталкивают меня, стоит мне сделать шаг в ее направлении. Всего какую-нибудь минуту назад, когда я дерзнул приблизиться к ней, несмотря на их угрозы, они имели наглость прицелиться в меня из ружья; я вынужден, дабы удовлетворить их алчность и следовать дальше хотя бы пешком, продать здесь дрянную клячу, что служила мне до сих пор верховой лошастью».

Как ни спокойно, казалось, передавал он мне свою повесть, невольные слезы катились у него из глаз. Станным и трогательным показалось мне это приключение. «Не требую, чтобы вы открыли мне тайну ваших обстоятельств, — сказал я ему, — но, ежели я могу быть чем полезен, охотно предлагаю вам свои услуги». — «Увы! — возразил он. — Я не вижу ни слабого луча надежды; мне надлежит всецело покориться суровой судьбе моей. Я поеду в Америку; там буду, по крайней мере, свободен в своей любви; я написал одному из друзей, и он окажет мне некоторую помощь в Гавр-де-Грасе. Главное затруднение мое в том, чтобы попасть туда и чтобы облегчить хоть сколько-нибудь тяготы путешествия несчастному этому созданию», — прибавил он, печально глядя на свою возлюбленную. «Позвольте же мне, — сказал я, — положить конец вашему затруднению: прошу

вас принять эту небольшую сумму денег; очень сожалею, что не могу вам помочь иначе».

Я дал ему четыре золотых незаметно от стражи, ибо рассудил, что, узнав об этой сумме, они станут продавать ему свои услуги дороже. Мне даже пришло в голову сторговаться с ними, чтобы купить молодому любовнику постоянное право разговора со своей возлюбленной вплоть до Гавра. Поманив к себе начальника стражи, я сделал ему соответствующее предложение. Он, видимо, устыдился, несмотря на присущее ему нахальство. «Мы, сударь, не запрещали ему говорить с девицей, — сказал он смущенно, — но он желал быть подле нее все время; это нам неудобно, и справедливость требует, чтоб он платил за причиняемое неудобство». — «Ну, хорошо, — сказал я, — сколько же вам следует, чтобы это вам было не в тягость?» Он имел дерзость потребовать два золотых. Я тотчас дал их ему. «Смотрите, однако, — присовокупил я, — без надувательства! Я оставляю свой адрес молодому человеку, дабы он известил меня обо всем, и знайте, что я найду способ добиться вашего наказания». Все это обошлось мне в шесть золотых.

Непринужденная, живая искренность, с какою молодой незнакомец выразил мне свою благодарность, окончательно убедили меня в том, что я имею дело с человеком из хорошей семьи, заслуживающим моей щедрости. Прежде чем уйти, я обратился с несколькими словами к его возлюбленной. Она мне отвечала с такой милой, очаро-

вательной скромностью, что, уходя, я невольно предался раздумьям о непостижимости женского характера.

Вернувшись в свое поместье, я больше не имел никаких известий об этом приключении. Прошло около двух лет, и я совсем уже забыл про него, когда неожиданный случай дал мне возможность узнать до конца все обстоятельства дела.

Я прибыл из Лондона в Кале с маркизом де ***, моим учеником. Мы остановились, если не изменяет мне память, в «Золотом льве», где по каким-то причинам принуждены были провести целый день и следующую ночь. Когда я гулял в послеобеденное время по улицам, мне показалось, что я вижу опять молодого незнакомца, с которым встретился тогда в Пасси. Он был весьма плохо одет и гораздо бледнее, чем в первое наше свидание; на руке у него висел старый дорожный мешок, указывавший на то, что он только что прибыл в город.

Он обладал лицом слишком красивым, чтобы его можно было забыть, и я тотчас же признал его. «Подойдемте-ка к этому молодому человеку», — пригласил я маркиза.

Радость юноши была неопишима, когда он тоже признал меня. «О, милостивый государь, — воскликнул он, целуя мне руку, — наконец-то я могу еще раз выразить вам мою вечную признательность!» Я спросил, откуда он теперь. Он отвечал, что прибыл морем из Гавр-де-Граса, куда вернулся незадолго перед тем из Америки. «Вам,

видимо, туго приходится, — сказал я ему, — ступайте к «Золотому льву», где я стою, я тотчас следую за вами».

Я вернулся в гостиницу, сгорая от нетерпения узнать подробности его несчастной судьбы и обстоятельства его поездки в Америку; я окружил его заботами и распорядился, чтобы у него ни в чем не было недостатка. Он не заставил себя упрашивать и вскоре рассказал историю своей жизни. «Вы столь благородно со мной поступаете, — обратился он ко мне, — что я бы упрекал себя в самой черной неблагодарности, утаив что-либо от вас. Поведаю вам не только мои беды и несчастья, но и мою распущенность, и постыднейшие мои слабости: уверен, что строгий ваш суд не помешает вам пожалеть меня».

Должен предупредить здесь читателя, что я записал его историю почти тотчас по прослушании ее, и, следовательно, не должно быть места сомнениям в точности и верности моего рассказа. Заявляю, что верность простирается вплоть до передачи размышлений и чувств, которые юный скиталец выражал с самым отменным изяществом. Итак, вот его повесть, к которой я не прибавлю до самого ее окончания ни слова от себя.

Мне было семнадцать лет, и я заканчивал курс философских наук в Амьене, куда был послан родителями, принадлежащими к одной из лучших фамилий П***. Я вел жизнь столь разумную и скромную, что учителя ставили меня в пример